Глава 8

Ни Сан не думала, что Цинь Хуайюань внезапно вернется и не знала что он успел услышать. На нее напала ее же совесть, когда она выпалила: «Что привело тебя обратно? Разве ты не решил провести ночь с наложницей Хуа?»

Лоб Цинь Хуайюаня стал еще более хмурым. Эта глупая женщина смеет говорить о таком перед нашими дочерьми!

«Вам двоим стоит уйти, мне нужно кое-что обсудить с вашей матерью. Матушка Цинь воспользуйтесь лучшими лекарствами чтобы помочь четвертой мисс. Это будет просто нелепо, если завтра ее лицо опухнет!»

Матушка Цинь утвердительно кивнула, но не двинулась, она с беспокойством посмотрела на Ни Сан. Она была ближайшей служанкой госпожи и знала какой у нее характер. Она боялась, что госпожа скажет Цинь Хуайюаню что-то, чего не должна говорить, поэтому хотела остаться и выступить посредником. Но мастер дал ей прямой приказ сходить за мазью, поэтому она не могла просто проигнорировать его.

Цинь Хуайюань уловил колебания матушки Цинь и холодно фыркнул: «Что, матушка Цинь подчиняется лишь приказам госпожи, а мои слова для нее пустой звук? Или вы боитесь, что я начну запугивать вашу госпожу?»

Цинь Хуайюань много лет провел при дворе, поэтому от него исходили такая аура и энергетика, которым другие люди просто не могли противостоять. Ноги матушки Цинь задрожали, когда она тут же извинилась: «Слуга не посмеет! Слуга немедленно сходит за мазью для четвертой мисс».

Она вышла вслед за девушками и осторожно закрыла дверь. Но, как и ожидалось, дверь ничуть не изолировала пронзительный голос Ни Сан. Ее слова стояли в ушах каждого.

«Цинь Мэн, ты вернулся, чтобы демонстрировать свою влияние в моем доме? Иди и демонстрируй это другим, если тебе это так нужно! Разве ты проявляешь силу, давя женщину своим статусом...»

Матушка Цинь очень расстроилась, услышав крики госпожи, но больше всего ее шокировало то, что обе девушки все еще стояли в крытом коридоре. Она поспешно подошла, схватив их под руки и тихо пробормотала: «Не стойте тут, мисс».

Вспомнив приказ Хуайюаня и взглянув на обеспокоенное лицо Цинь Хуэйнин, матушка Цинь на мгновение задумалась, а потом отвела обоих в соседнюю комнату, примыкающую к главной. Обычно ее использовали для перерыва на чай. Она прошептала: «Пожалуйста, посидите тут минуту, мисс. Слуга сходит за мазью для четвертой мисс и сразу вернется».

Цинь Инин кивнула, но на этот раз не поблагодарила ее. Язвительная пощечина от ее матери заставила полностью признать реальность ее положения. Она была дома менее двенадцати часов...скольким издевательствам она уже подверглась? Старая вдова отругала ее, ее мать отвергла ее, а остальные пользовались любой возможностью, чтобы уколоть ее. Даже ее служанки осмеливались нагло красть у нее вещи и зашли так далеко, полностью отрицая свою причастность к этому, когда она поймала их. И та, что заняла ее место, была вершиной всего этого, провоцируя нападки и поощряя все эти недоразумения. Каждый из них считал ее легкой мишенью, пытаясь воспользоваться тем, что у нее нет поддержки в усадьбе Цинь!

Она была той, кто предпочтет умереть на ногах, вместо того, чтобы жить на коленях. Цинь Инин столкнулась с этим холодным миром и пережила все это, как она могла так легко смириться здесь с поражением? Ей хватило мужества, чтобы противостоять волкам и терпения, чтобы охотиться самой. Правда, она лелеяла надежды о воссоединении семьи, но это не значит, что она будет постоянно потакать этим людям! Цинь Инин осторожно коснулась своей щеки рукой, кончики ее пальцев мягко касались опухшей области, а на ее губах расцвела пугающая улыбка.

Матушка Цинь была полностью поглощена событиями в главной комнате и не обратила на это внимания. С другой стороны, Цинь Хуэйнин заметила эту кровожадную улыбку Цинь Инин. Казалось, что так дикий зверь смотрит на свою добычу. Под этим взглядом Цинь Хуэйнин чувствовала себя беспокойно. Она как раз собиралась заговорить, когда раздался голос Цинь Хуайюаня и Ни Сан.

Голос премьер-министра Цинь был низким, его слова были короткими и точными. Голос Ни Сан был пронзительным, когда она высказывала жалобу за жалобой. В начале они не могли точно разобрать слов, то к концу голос Ни Сан дошел до истеричного визга, поэтому двум девушкам было трудно не слышать его.

«...даже молодая девушка, как наша дочь Хуэйнин, может сказать это, а ты, мой муж, все еще пытаешься лгать? Почему я была настолько слепа, что вышла за тебя замуж? Разве твоя карьера была бы такой же безупречной, если бы мой отец не помогал тебе? Ты даже не удосужился поблагодарить мою семью или относиться ко мне лучше после того как ты стал премьер-министром! А теперь ты приносишь в дом незаконно рожденного ребенка и пытаешься обмануть меня!»

«Ты успокоишься?», в голосе Цинь Хуайюаня был гнев: «Идиотка, я больше не могу тебя выносить!»

БАМ! Дверь с грохотом распахнулась и девушки услышали плачь Ни Сан. Цинь Инин и Цинь Хуэйнин поспешили выйти из боковой комнаты и увидели удаляющуюся спину Цинь Хуайюаня. Под ночным небом он выглядел еще более угрожающим. Крик Ни Сан донесся до их ушей: «Почему моя жизнь так тяжела!?»

Они обернулись и увидели, как Ни Сан сидит на пороге и держится за дверную раму, всхлипывая так сильно, будто она вот-вот рухнет в обморок.

«Пожалуйста, встаньте, пол холодный», Цинь Инин нахмурилась и собиралась помочь матери, но Цинь Хуэйнин оттолкнула ее руку и попыталась отстранить ее.

«Младшая сестра Маленький ручей, в нашей семье все пошло не так с того момента, как ты вернулась, обязательно делать маму столь несчастной?», Цинь Хуэйнин помогла матери подняться, оттолкнув другую девушку, на ее лице были слезы. Этого было достаточно, чтобы перевести все на Цинь Инин. Разве нет? Произошло бы все это, если бы Цинь Инин не вернулась? Цинь Хуайюань знал насколько она чувствительна, но он просто бросил ее на пороге и ушел, оставив ее в одиночестве. Он просто ушел, хлопнув дверью и даже не попытался ее успокоить! Она лишь сделала Цинь Инин несколько замечаний и один раз ударила, но только посмотрите, как повел себя Цинь Мэн! Эта любовница была чрезвычайно хитрой лисой!

Глаза Ни Сан покраснели, когда она грубо тыкнула Цинь Инин обеими руками. Она взревела: «Ты мучаешь всю нашу семью! С того дня как мы узнали о тебе, у меня не было ни секунды

покоя. Убирайся с моего пути!», она обернулась и закричала на матушку Цинь: «Подготовь для меня карету! Я возвращаюсь в поместье моей семьи!»

Матушка Цинь была так встревожена, что в ее лице не осталось цвета: «Госпожа, уже почти комендантский час. Это неподходящее время. Почему бы сейчас не отдохнуть, а вернуться на следующее утро? Мы могли бы все объяснить старой вдове...»

«Нет! Я хочу вернуться! Я не могу больше находиться в этом поместье! Цинь Мэн доведет меня до смерти!», Ни Сан затрясло, в ее голове появилась мысль: «Если ты не собираешься помогать, то я сама все сделаю!»

В своем гневе Ни Сан даже не обращала внимания на Цинь Хуэйнин. Она стряхнула руку дочери и вышла наружу. Тем не менее, госпожа приложила столько силы, что Цинь Хуэйнин отшатнулась, а ее ноги не нашли устойчивой опоры. Если бы Битун не успела бы схватить ее за руку, а матушка Цинь не бросилась бы вперед, то она упала бы вниз по ступенькам. Она нахмурилась.

Истерика Ни Сан была в разгаре. Когда матушка Цинь увидела, что она не может успокоить свою госпожу, ей оставалось лишь приказать горничным быстро приготовить карету, подать плащ госпожи с меховым воротником и изысканной латунной застежкой, и многозначительно посмотреть на служанку Цайцзюй. Она тихо ей что-то сказала.

В настоящий момент можно было сказать, что в основной ветви семьи начинается война из-за неистовой вспышки гнева Ни Сан. Слуги могли рассказать о случившемся старой вдове и тогда это недоразумение станет еще больше. Если это произойдет, то все это превратится в бесплатное представление для второй и третьей ветвей семьи. Цайцзюй отправилась в сад с подавленным и грустным выражением лица.

Матушка Цинь и Цайлань поддерживали Ни Сан, уходящую из сада спокойствия. Мир наконец был восстановлен. Последний луч света скрылся за горами, солнце село, оставив на небе лишь яркий полумесяц. Тяжелые облака частично закрывали сияние луны, пропитывая резиденцию холодным синим светом.

Маленькие служанки были так напуганы, что даже не смели дышать. Они тихонько прокрались во двор и в тишине установили ночные фонари. Теплый оранжевый свет начал медленно распространяться, заливая своим сиянием и крытый коридор.

Цинь Инин холодно улыбнулась Цинь Хуэйнин. Последняя нервничала и тревожно достала платок, чтобы вытереть свои слезы. Ее голос захлебывался: «Не вини меня в том, что я сказала слишком много, Маленький ручей. Как я могла не поддержать мать сейчас, когда она в таком состоянии? Твои слова ранили ее. Ты не провела с ней все эти годы, поэтому не знаешь о ее боли. Вполне естественно, что ты можешь сказать что-то непозволительное», когда она увидела, что Цинь Инин походит к ней, Цинь Хуэйнин любезно улыбнулась сквозь слезы: «Маленький ручей, твое лицо сильно опухло. У меня есть очень хорошая мазь от отеков. Я попрошу Битун принести ее тебе».

«Да? Тогда, похоже, я действительно должна поблагодарить тебя» Цинь Инин поднялась на ноги и посмотрела на девушку перед собой, холодный свет вспыхнул в ее глубоких прекрасных глазах. Цинь Хуэйнин почувствовала себя кроликом, на которого смотрит голодный волк.

«Нет, не нужно», она не могла не нервничать: «В конце концов, мы с тобой сестры, мы...»

Удар!

В воздухе раздался сильный хлопок! В ушах Цинь Хуэйнин зазвенело, перед ее глазами поплыли звезды. Она рухнула, лишилась чувств от столь сильного удара. Матушка Цинь, Битун, Жуйлань и Цюлу были ошеломлены. Она не могли даже прийти в себя, чтобы помочь молодой мисс подняться.

«Мне не нужна твоя мазь, оставь ее для себя!»

«Ты!», ошеломленная Цинь Хуэйнин пришла в себя, услышав голос Цинь Инин и вскрикнула. На ее губах была кровь: «Ты посмела ударить меня!?»

«Да, держи еще!», Цинь Инин наклонилась, отводя локоть и ударила в нос. Она сама рубила дрова и обустроивала пещеру в горах, сила в ее руках была недооценена. Оба удара были сильны, и щека Цинь Хуэйнин начала распухать.

Приемная дочь громко закричала, указывая на Цинь Инин: «Ты, дикий варвар! Как ты смеешь бить меня! Слуги, схватите ее!»

Матушка Цинь и Битун наконец вырвались из оцепенения и закатали рукава, готовые сражаться с Цинь Инин. Даже Жуйлань очень хотела присоединиться к битве. Трое бросились на Цинь Инин, двое нацелились на ее руки, а одна за волосы. Но им даже не удалось прикоснуться к подолу ее одежды.

Цинь Инин обошла Жуйлань, аккуратно толкнув ее, поставив подножку. Ее левая нога опустилась на спину Жуйлань. Ее рука поднялась и отразила атаку матушки Цинь. Битун в то время была уже обезврежена, вторая рука Цинь Инин крепко держала ее за горло.

На лицах всех троих была боль. Битун так испугалась, что даже не смела пошевелиться. Цинь Инин надавила ногой на спину Жуйлань, вытащив из нее мучительный крик. Четвертая мисс холодно улыбнулась: «Одно дело, что чужие слуги бросаются на меня, но моя же служанка? Ты решила присоединиться к ним вместо того, чтобы защищать свою мисс? Ты хочешь умереть!?»

«Смилуйтесь мисс, смилуйтесь!», голос Жуйлань дрожал, когда она умоляла. Все остальные слуги переглядывались между собой. Все вздрогнули. Кто теперь осмелится бы себя вести с Цинь Инин так нагло, как прежде?

Цинь Хуэйнин наконец сумела подняться на ноги и бросилась за колонну, чтобы спрятаться: «Ты, ты варвар! Уличная девка не знающая манер!»

«Да, я варвар!», Цинь Инин оттолкнула матушку Цинь и Битун, оставив Жуйлань стонать на земле и направилась к приемной дочери: «С меня достаточно. Я делала все возможное, чтобы угодить вам, но вы все равно относились ко мне как к варвару. Если это так, то почему бы мне не показать, как ведут себя варвары!?»